

Боль русского офицера

Память поколений

Один из эпизодов службы В.Я.Самулкина в Афганистане

Война в Афганистане болью отзывается во многих ветеранах, прошедших ее в далекие 1980-е, спустя десятилетия. Эхо тех событий постоянно звучит и в памяти В.Я.Самулкина.

Владимир Яковлевич последние восемнадцать лет живет на окраине одной из улиц Ореховца. И так уж сложилось, что улица эта названа в честь Сергея Орлова, ореховского паренька, погибшего в Афганской войне 26 мая 1986 года.

В.Я.Самулкин родом из подмосковных Химок.

В семье росли два брата. Матери приходилось нелегко: одна с двумя сыновьями, она трудилась на трех работах, чтобы обеспечить достаток.

Владимир с 8 лет занимался лыжным спортом, а в 9-10 классах увлекся радиоэлектроникой и планировал поступить в радиотехнический институт в Москве.

Сдав первый экзамен, стал присматриваться к будущей альма-матер, и, узнав, что в институте нет не только своей спортивной команды, но и даже спортзала, забрал документы.

Продолжение читайте на стр.2

Боль русского офицера

Продолжение. Начало на стр.1

Мама упросила его попробовать поступить в военное училище. Владимир согласился, получил от военкомата направление и успешно сдал экзамены в Московское высшее командное училище гражданской обороны.

За год до окончания учебы, будучи на стажировке в Пинске (Белоруссия), Владимир в офицерском клубе познакомился со своей будущей женой, которая родом из Арзамаса. Светлана была студенткой Пинского медицинского училища.

Прошел еще год. Владимир Яковлевич стал свидетелем на свадьбе своего друга. Свидетельницей со стороны невесты была та самая девушка, с которой он познакомился в Пинске. Так завязалась дружба, переросшая в любовь. Через полгода Светлана и Владимир поженились.

Военную службу В.Я.Самулкин начал в Пинске в Белорусском военном округе под руководством комбрига Дударенко.

— Это был настоящий командир и настоящий мужик. Очень требовательный и взыскательный. Но на это мы не обижались. Комбриг личным примером показывал образец того, каким должен быть советский и русский офицер. К тому времени война в Афганистане шла уже четыре года. Дударенко вызвали в Москву и предложили сформировать бригаду в Афганистан и возглавить ее. Вернувшись, комбриг созвал совещание, рассказал о поручении и спросил, кто готов с ним ехать. «Рано или поздно, всем там придется побывать», — убеждал Дударенко.

— Трое офицеров, в том числе и я, написали рапорта. Так началась моя боевая командировка, — вспоминает В.Я.Самулкин.

Сколько было слез у матери, у жены, которая в тот момент ждала ребенка, у ее матери, у других родственников — трудно передать. Эмоции захлестывали всех близких. Попытались подключить все связи, знакомых, предлагали поехать служить в любую спокойную точку Советского Союза, даже чуть ли не с поездами хотели снять, — все их усилия оказались напрасны.

Владимир Яковлевич остался верен воинской присяге, верен слову, данному комбругу Дударенко, а главное — совести.

15 октября 1983-го, в день своего рождения, В.Я.Самулкин пересек афганскую границу. Самолет ИЛ-86 доставил его из Узбекской ССР в Кабул. Оттуда офицера переправили на перевал Саланг, где в 4 отдельной роте 692 батальона дорожно-комендантской бригады и начались его боевые будни.

Едва он принял командование ротой, как получил первое задание — сопровождать до Хайратона колонну вышедшей из строя техники. 500-километровый марш-бросок обернулся для В.Я.Самулкина боевой травмой ноги. На вертолете раненого доставили в медсанбат в Кундуз, где сделали сложную операцию, которую в полевых условиях не проводят. Ногу спасли от ампутации. После лечения на три месяца солдата отправили на реабилитацию. Но не в Союз, а на Саланг. Здесь офицер находился при госпитале и заново учился ходить. В ногу вменировали металлическую конструкцию, поэтому каждый шаг давался крайне тяжело, от дикой боли на глаза наворачивались слезы, он терял сознание.

4 отдельная рота, к командованию которой В.Я.Самулкин вернулся после лечения, дислоцировалась с южной стороны Саланга.

Саланг — высокогорный перевал, 3878 метров над уровнем моря. К перевалу через сеть туннелей на протяжении 80 километров змеился серпантин горной дороги. Саланг — это еще и автодорожный туннель, построенный советскими мостроевцами и другими специалистами. Его длина — 2 км 600 м, а вместе с выходными галереями — 3,6 км.

В задачу части входила охрана Саланга, обеспечение пропуска колонн, выстраивание и регулировка движения

техники, расчистка заторов и завалов трассы, снабжение водителей специальными химическими патронами. Рота обслуживала 12-километровый участок.

Перевал имел стратегическое значение для советских войск. Сюда постоянно наведывались диверсионные группы хорошо обученных и вооруженных бандитов, которые устраивали засады, обстреливали наши колонны. Не раз и не два душманы засыпали к перевалу гуженые топливом наливники со взрывчаткой, закладывали фугасы и магнитные заряды под днища машин, обстреливали советскую технику.

Военные жили у перевала в домиках из камня и глины, которые соорудили советские солдаты. В каждой такой каменной хижине стояла печь-буржуйка.

Весной 1984-го Саланг и его окрестности содрогнулись от страшного грохота. С вершин сошла гигантская снежная лавина. Она протащила вниз на два километра 500-тонный железобетонный мост.

Советских военных, ютившихся в каменных хижинах, спасла скала, которая приняла на себя главный удар стихии. И все равно домики и территорию вокруг них засыпало пятиметровым слоем снега, который спрессовался в огромную полуледяную массу. Технику и бочки с горючим лавина унесла в пропасть.

В течение двух недель солдаты откапывались как могли. Использовали саперные лопатки, бронированные тягачи (БТС-4). БТС-4 с разгону врезался в спрессованную снежную массу, откалывая у нее кусок за куском. Применили даже тротиловые шашки, подрыв которых помогал, где возможно, ускорить процесс. И все это — недалеко от края пропасти, в которую сталкивали куски льда и снега. Работа шла круглосуточно.

В апреле 1984-го Владимир Яковлевич поехал на вторую операцию. Вынимали металлическую конструкцию, сверлили ногу.

В это время комбруг Дударенко служил начальником опергруппы в гарнизоне Пули-Хумри. Он и попросил В.Я.Самулкина помочь запустить асфальтобетонный завод. Владимир Яковлевич, вновь выучившийся ходить, опираясь на палку, ездил по провинции и выменивал мазут на битум, двигатели — на пускачи, солярку — на транспортерную ленту.

— Афганцы — прирожденные торги. С малых лет ходить и торговать учатся одновременно, — вспоминает офицер.

— Обмен с местным населением был неравнозенным для нас, порой приходилось отдавать товар за четверть его реальной цены. Но задачу удалось решить. Предприятие в Пули-Хумри заработало.

А Владимир Яковлевич вернулся служить на Саланг. На высокогорье не работали ни радиоприемники, ни телевизор. С внешним миром подразделение общалось исключительно через закрытый канал проводной связи. Изредка наведывались военные журналисты. 15 марта 1984-го в газете «Красная Звезда» вышел репортаж с фотографией В.Я.Самулкина.

В марте 1985-го на Саланге произошла страшная трагедия, в сравнении с которой стихийный сход снежной лавины годом ранее показался безобидной шалостью.

Каждый из диспетчерских пунктов, охранявших порты и туннели Саланга, в свою очередь находился под скрытым наблюдением и охраной секретов, которые дислоцировались на соседних скалах. В каждый из этих секретов змеилась узкая горная тропа, преодолевавшая ее приходилось караванами. Караванами в секреты доставлялись сменные караулы, еда, вода, оружие, боеприпасы. Путь наверх был долгим и мучительно трудным.

Кто-то из советского командования решил, что секретные караульные посты излишне обременительны и накладны, с технической точки зрения нецелесообразны.

Спустя несколько месяцев, после того как секреты были отменены, на Саланге

ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ

весной 1985-го появились четыре очередных колонны: в одной шло 50-60 машин царандоя (афганской милиции), в других — 50-60 машин-наливников, заполненных топливом, еще одна колонна, около 50 автомобилей, везла бомбы, снаряды и другие боеприпасы. Казалось, эта длинная вереница спокойно пройдет, как и многие другие до нее. И вдруг будничную картину нарушили залпы. Боевики стреляли с тех самых скал, где располагались прежде наши секретные караульные посты. Первый снаряд подорвал головную машину колонны, следующие — замыкающие. Взрывались наливники и бомбовозы, река горящего топлива потекла вниз. Советские солдаты, кто уцелел от взрывов, выскакивали из охваченной пламенем техники. Те, кто опытней, бросились вверх, к скалам, многим удалось уцелеть. Более молодые бойцы в панике побежали вниз по ущелью, а за ними устремились огненные потоки горящего топлива, сжигая все живое на пути.

Хуже всего оказалось то, что недалеко маршем проходила другая колонна. Это была боевая группа, состоявшая из танков и бронетехники. Ее командир даже не стал останавливаться, заведомо зная, что оставляет беспомощных и деморализованных советских солдат из соседней части на верную гибель.

Владимир Яковлевич в те мгновения находился в конце расстреливаемой колонны. Он видел первый залп, последующие, взрывы, реки пламени, объятые огнем машины и наших солдат. Ринулся было туда, в самое пекло, но друг с сослуживцами силой остановили этот порыв и тем самым спасли своему командиру жизнь...

Из огня удалось спасти всего 18 машин. Погибших в том аду оказалось около 160 человек. 18 из них не смогли найти, их записали в пропавшие без вести. У 138 собрали только фрагменты. Большой кузов «КамАЗ» наполнили руки, ноги и другие обгоревшие части тел.

Вышестоящие командиры после той мясорубки собирались на совещание, на которое В.Я.Самулкина и других выживших очевидцев не пустили. Как и прежде бывало в подобных случаях, совещавшиеся искали версию, которая помогла бы сохранить им чины и звания.

Их версия чуть не стала приговором: «Душманы смогли вклиниться в эти четыре колонны, поместив туда «Гатту», наливник с топливом и взрывчаткой, а Самулкин и его сослуживцы недоглядели». Владимир Яковлевич едва не оказался под трибуналом.

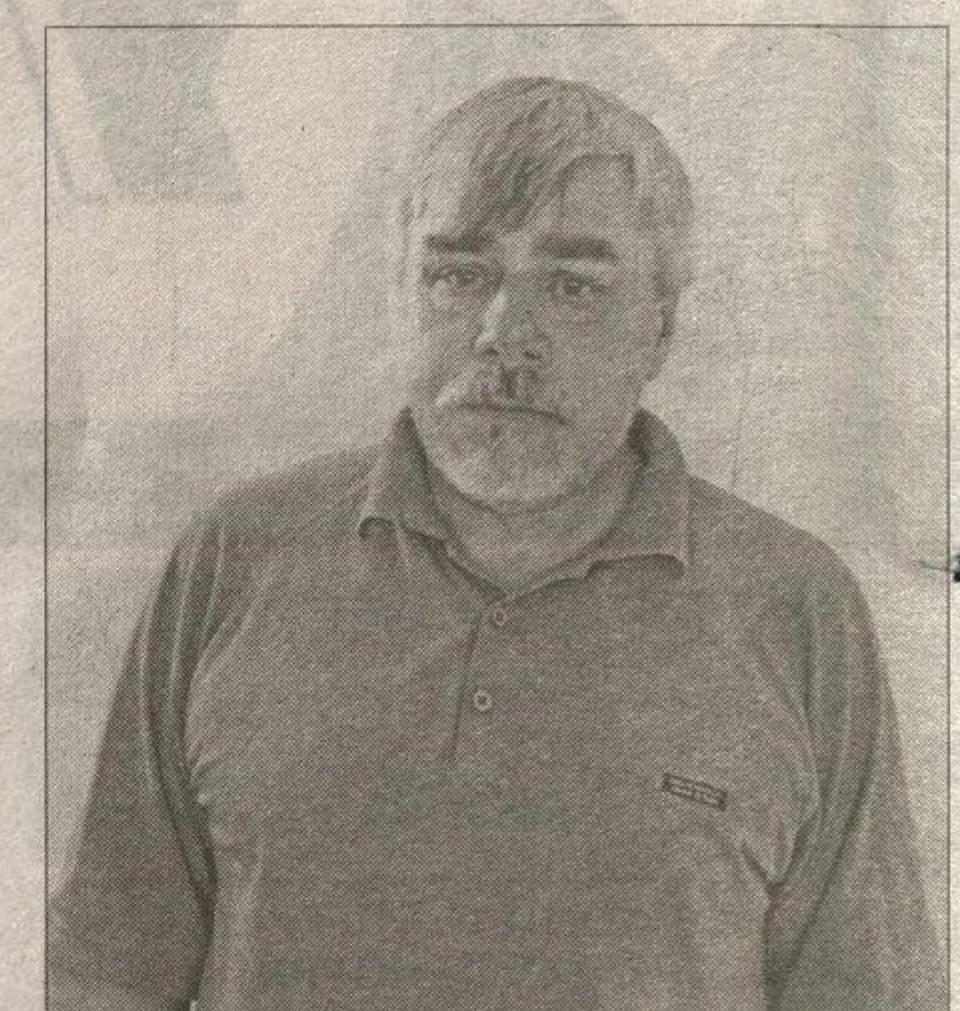
Во время той атаки его сильно контузило, двое суток в ушах стоял звон. А саперы еще две недели собирали и обезвреживали неразорвавшиеся снаряды. У очевидцев командование изъяло и уничтожило все фотопленки и фотографии, а того самого полковника, который проигнорировал нападение и не стал помогать, умчавшись с боевой группой по своим делам, просто «отмазали».

В общем, за два года натерпеться В.Я.Самулкину пришлось много. Девять месяцев из двух лет он провел в медсанбатах и госпиталях. Помимо боевой травмы ноги, обернувшейся двумя тяжелыми операциями, переболел желтухой и малярией.

Дважды машина, в которой ехал Владимир Яковлевич, слетала с обрыва в пропасть. И оба раза Бог сохранил офицеру жизнь. Выпрыгивая из грузовика, он удачно падал на снег, наблюдая, как машина разлетается о скалы и ее части разлетаются в разные стороны.

Свою дочку-первенца он смог повидать лишь тогда, когда той исполнился годик. И то почти случайно. Во время очередной госпитализации В.Я.Самулкина переправили в санаторий в Узбекистан. Оттуда он удрал на ближайшем самолете в Москву и смог, наконец-то встретиться с женой, дочуркой и матерью. А потом вновь пришелось возвращаться на Саланг.

И вот в 1985-м он навсегда вернулся на Родину в звании старшего лейтенан-

та, полученным восемь лет назад. Его однокашники за это же время кто майором стал, кто дослужился до полковника, а некоторые даже в генералы выбились.

Привыкать к мирной жизни было столь же тяжело, как из благополучного Советского Союза оказаться в охваченном войной Афгане. Давно уж офицера не мучают ночные кошмары, но по его признанию, на несколько лет «крышу сносило». Его боевые товарищи кто уволился, кто спился.

Владимир Яковлевич держался как мог. В 1985-м он уехал в Ленинград и решил дослужить до 20-летнего военного стажа.

В северной столице В.Я.Самулкин был заместителем начальника командира части, служил на складе отгрузки, а за год до увольнения получил должность старшего инженера бригады кадра. По два раза в год лечился в Военно-медицинской академии им. С.М.Кирова. К моменту путча ГКЧП, к августу 1991-го, комиссовался.

Владимир Яковлевич в лихие 90-е пошел в бизнес. Начинал с продажи сигарет и спиртного лучших мировых брендов, продавал продукты. Потом занялся строительством, был подрядчиком Петербургского морского таможенного порта. Лично знал тогдашнего губернатора Петербурга Александра Яковлева и его предшественника Анатолия Собчака.

Семья Самулкина стала богатой, но счастья не было. Афганистан вновь напомнил о себе. Сказались последствия перенесенных на войне заболеваний.

В 1990-х в семье Самулкиных народились сыновья. Один ребенок стал чахнуть и умирать на глазах.

Сын угасал, консилиумы лучших российских и даже международных медицинских светил не знали, что происходит и как лечить эту неизвестную науке болезнь.

Перепробовав все, что только можно, убитые горем родители обратились к православному подвижнику старцу Николаю Гурьянову, который жил на острове Залит (Талабс) недалеко от Пскова. Он объявил, что у Самулкиных есть выбор: жить в богатстве в Петербурге и потерять сына или уехать жить в Дивеево.

Тем временем их больному ребенку по всем утверждениям врачей и внешним признакам оставалось недолго. Но случилось чудо, и он понемногу пошел на поправку. То, что тогда пришлое пережить, Владимир Яковлевич до сих пор вспоминает со слезами на глазах. По его словам, даже в Афганистане ему не было так страшно, как во время тех мучений, которые испытал его сын.

Самулкины уехали из Петербурга. Оставили все: квартиру, и бизнес. Купили старый домик в Ореховце, который отремонтировали. Завели корову, и вот уже 18 лет живут на нашей земле. Их друзья никак не могли этого понять, принять и поверить, им все казалось, что Владимир Яковлевич их разыгрывает, рассказывая о доме в деревенской глухи.

Остались в прошлом война, ранение, болезни, страдания сына. Сегодня В.Я.Самулкин знает: счастье человека не в богатстве, а в детях и внуках.

Вячеслав ОВЧАРОВ